

О. Н. Трубачев

Труды
ПО ЭТИМОЛОГИИ
Слово · История · Культура

Том 2

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

ББК 81.2
Т 77

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского государственного гуманитарного фонда
(РГНФ)
проект № 03-04-16307

Редактор-составитель тт. 1—2
И. Б. Еськова

Трубачев О. Н.

Т 77

Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 2. — М.:
Языки славянской культуры, 2005. — 664 с. — (Opera etymologica.
Звук и смысл).

ISBN 5-9557-0053-9

Книга выдающегося ученого-слависта академика О. Н. Трубачева «Труды по этимологии» содержит более ста его работ, первоначальный список которых составил (еще при жизни автора) один из его учеников А. Г. Григорян. Первоначально этот проект показался Олегу Николаевичу невыполнимым: разбросанные по разным отечественным и зарубежным источникам статьи (практически за 50 лет научной деятельности) найти и собрать воедино действительно было далеко непросто. Тем более приятно осознавать, что приложенные усилия не оказались напрасными. В процессе работы проект содержания будущей книги был значительно расширен с ориентацией на более полный охват фундаментальных для славистики и вообще для современного языкознания проблем, которые рассматривались ученым на фоне этимологического анализа колоссального лексического материала. С учетом этих проблем формировалась и рубрикация публикуемых статей. Бесценные по своему научному значению труды, собранные в двух томах настоящего издания, далеко не исчерпывают всех работ ученого в данной области, но в то же время дают представление о взглядах автора на решение важнейших проблем славянской этимологии, исторического языкознания и понимание культурно-исторического значения этимологических исследований.

Для лингвистов, филологов, историков, преподавателей филологических факультетов вузов, а также для всех интересующихся историей слова.

ББК 81.2

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshchev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slaviv@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-9551-0053-9

9 785955 110053 1

© О. Н. Трубачев, 2005
© И. Б. Еськова, составление, 2005
© Языки славянской культуры, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 3.

Славянская и индоевропейская этимология

(продолжение)

Заметки по этимологии и ономастике: (На материале балто-герм. отношений).....	11
Заметки по литовской этимологии (<i>lytis, jùk, aslà, kũdikis, nèt</i>).....	20
Из славяно-иранских лексических отношений.....	25
Из материалов для этимологического словаря фамилий России: (Русские фамилии и фамилии, бытующие в России).....	103
Заметки по лехитской этимологии (польск. <i>gruczol</i> ‘железа, <i>glandula</i> ’; польск. <i>wątpić</i> ‘сомневаться’; польск. диал. <i>pydy</i> ‘кормысла для ведер’; польск. <i>krynbrny</i> ; польск. <i>tlum</i> ; словин. <i>dvjigò</i> ; <i>Osobloga</i>	154
К сравнительно-этимологической характеристике союза <i>a</i> и сочетаний с ним в праславянском.....	166
Этимологические заметки (<i>iki, pliēnas</i>).....	171
Заметки по этимологии и сравнительной грамматике [1].....	175
Заметки по этимологии и сравнительной грамматике [2].....	219
Из праславянского словообразования: именные сложения с приставкой <i>a-</i>	237
Этимологические наблюдения над стратиграфией ранней восточной топонимии.....	243
Литовское <i>nasraĩ</i> ‘пасть’: Этимология и грамматика: (Тезисы).....	265
Об одной редкой словообразовательной модели.....	268
Заметки по этимологии некоторых нарицательных и собственных имен (рус. диал. <i>чичер</i> , сербохорв. <i>чїч, цїч</i> ; др.-рус. <i>очюнной</i> (рус. <i>очень</i>), в.-луж. <i>сипї</i> , словин. <i>сãпї</i> ; укр. <i>Говерла</i> ; вост.-слав. <i>Суходров</i>).....	272

Еще раз мыслю по древу	280
Несколько древних латинско-славянских параллелей	286
Снова о названии <i>Суздаль</i>	301
Славянские и балтийские этимологии	307
Две литовские этимологии на индоевропейском фоне: <i>sáugoti, saugùs; ūmas, ūmà</i>	317
Об одном случае глагольного супплетивизма: праслав. <i>*-něti</i> ‘нести, приносить’	320
Etyma baltico-slavica controversa: <i>kúokštas ≠ *kustь</i>	323
Из исследований по праславянскому словообразованию: генезис модели на <i>-ěninь, *-janinь</i>	327
Заметки по славянской ономастике	341
<i>Kobyła — caballus — καβάλλης</i>	348
К истории одной семемы XVII в.: ‘облегчить’ → ‘уладить, устроить дело’ (польск. <i>zalatwić</i> , др.-рус. ОБЛЕГЧИТИСЯ)	354
Из праславянской этимологии и лексико-семантической реконструкции: <i>*krosno</i>	359
Germanisch-slavische Analogien <i>*ruda</i> und <i>*želězo</i>	363
О ‘рябчике’, ‘куропатке’ и других лингвистических свидетелях славянской прародины и праэкологии	372

Часть 4.

Язык, история и культура

Реплика по балто-славянскому вопросу	385
Славяне, язык и история	389
Славяне, язык и история: Возвращаясь к теме	399
Славяне: язык и история	405
О языковом союзе и еще кое о чем	417
Мысли о дохристианской религии славян в свете славянского языкознания (по поводу новой книги: <i>L. Moszyński. Die vorchristliche Religion der Slaven im Lichte der slavischen Sprachwissenschaft. Köln; Weimar; Wien: Bühlau Verlag, 1992</i>)	423
Продолжение диалога	442
К отдаленнейшим истокам нашего самосознания: Презентация одной книги	450
Славяне: язык и история – как основа этногенеза: К 20-летию издания: «Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд» (1974—1994, I—XX, A—M). Опыт автореферата	460
Беседа о черном и белом хлебу	474

<i>Рай</i>	477
<i>Русь. Россия: Очерк этимологии названия</i>	479
<i>Русский — российский. История, динамика, идеология</i> двух атрибутов нации.....	484
Слово о «Русской энциклопедии» и некоторых «библейских» энциклопедических статьях.....	493
Через лексику — к этническому прошлому народов.....	506
Славистика на пороге XXI века.....	515

Разное

Работы В. И. Абаева в области исторической лексикологии и этимологии.....	527
Книга в моей жизни.....	534
Свидетельствует лингвистика: В СССР впервые создается «Этимологический словарь славянских языков».....	547
Меняющийся мир и вечные слова.....	554
Мы – народ софийный.....	560
Беседы о методологии научного труда.....	564
Размышления о словарях и личности лексикографа.....	598
Послесловие: [О Михаиле Федоровиче Мурьянове (1928—1995)].....	608
Александр Саввич Мельничук: К 75-летию со дня рождения.....	611
Мои воспоминания о Никите Ильиче Толстом.....	613
Этимологический словарь славянских языков Г. А. Ильинского.....	628
Рецензия на книгу: <i>O. Szemerényi. Studies in the kinship terminology</i> of the Indo-European languages with special reference to Indian, Iranian, Greek and Latin (Acta Iranica. Textes et mémoires, V. VII. Extrait. Édition Bibliothèque Pahlavi. Téhéran; Liège, 1977).....	639
Список основных сокращений.....	645
Указатель первых публикаций.....	656

Часть III

**СЛАВЯНСКАЯ
И ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ
ЭТИМОЛОГИЯ**

(продолжение)

ЗАМЕТКИ ПО ЭТИМОЛОГИИ И ОНОМАСТИКЕ

(на материале балто-германских отношений)

Предлагаемый доклад имеет целью обратить внимание на некоторые возможности новой лингвистической интерпретации главным образом ономастического материала (этнонимов, географических названий и названий населенных мест) определенных территорий. При этом имеется в виду этимологизация отдельных изолированных образований наряду с наблюдениями над устойчивостью основного значения одного внешне изменяющегося топонимического ландшафта, а также попытка осмыслить в новой, более широкой связи один этимологически прозрачный «ряд». Можно думать, что все это дает возможность высказать также соображения более общего характера по ономастике и, в частности, о месте этимологии в исследовании ономастического (в широком смысле слова) материала.

Однако указывая на некоторый новый материал по существующим общим проблемам, доклад не претендует на решение самих проблем. Проблемы в известном смысле остаются старыми, мы стремимся лишь расширить здесь отдельные аспекты затрагиваемой проблематики, а именно: ономастический аспект балто-германских языковых отношений. В связи со специальным характером доклада в нем отсутствует информационный обзор балто-германских языковых отношений в целом и соответствующей литературы, тем более, что этот вопрос уже служил предметом обсуждения на первой, и особенно на второй научной сессии по вопросам германского языкознания, материалы которых опубликованы.

Выбор именно балто-германских отношений не явился здесь абсолютно умышленным, а продиктован характером изучаемого нами ономастического

балтийского материала, который, по-видимому, может быть лучше понят только с привлечением германских данных, в плане балто-германских отношений.

Первый вопрос — толкование этнонима *пруссы* (лит. *Prūsai*) — в достаточной мере актуальный, поскольку существующие этимологии не могут быть признаны удовлетворительными. Имеется в виду объяснение имени *прусс* как первоначального прозвища, связанного с лит. *prūsti* ‘мыть, умыть’; ср. аналогичное происхождение польского названия *Mazury*: *mazać* (А. Брюкнер); в еще большей степени относится этот упрек к малореальному сближению *prūsa-* с др.-инд. *puruṣa-* ‘человек’ (Я. Отрембский). Прежде чем обратиться к новой интерпретации данного этнонима, целесообразно учесть его специфику именно как этнонима и кратко упомянуть о типичных чертах, которые можно выделить при изучении известных нам совокупностей древних племенных названий соответственно у балтов, славян, германцев. Это, во-первых, употребление в различных частях определенного древнего языкового пространства одних и тех же апеллятивных основ в качестве этнонимов, видимо, первоначально без строгой этнолингвистической приуроченности. Таковы балт. **Galindai* на западе и востоке, слав. **Sьrbi*, **Slověne*, **Dudlěbi* (запад, восток, юг), герм. **Swēbjōz*, **Swējōz*, **Gut-* / **Gaut-* (север, юг). Во-вторых, это более или менее четкая словообразовательная структура значительной части остальных балтийских, славянских и германских этнонимов, характеризующая их как исконные слова. Может быть, за неимением более разработанной методики этимологического исследования племенных названий, целесообразно поставить перед изучаемым этнонимом пока эти вопросы. В случае с балтийским этнонимом **Prūsai* на них получим отрицательные ответы. Этот этноним представляется словообразовательно изолированным и темным на балтийской языковой почве. Если в других случаях возлагаются надежды на целый ряд критериев, то в данном случае решающее слово принадлежит этимологии. Балт. **Prūsai* нам кажется целесообразнее этимологизировать как заимствование.

Общим основанием для этого служит вторичное появление балтов на берегах Балтийского моря. Западнобалтийские племена, пруссы, проникли дальше других на запад, подойдя вплотную к районам, частично ранее освоенным германцами, в ряде мест — наслоившись на германцев. **Prūsa-* — западнобалтийский этноним. Собственно языковые, лексические следы контакта балтов с германцами здесь опускаются. Объективный след его носит такая устойчивая особенность топонимастики низовьев Вислы, как преемственное сохранение здесь почти до нашего времени семантического признака ‘лесной’ при следующей смене внешней, языковой формы: готск. *Terv-ingi* ‘лесовики’, зап.-герм. **Wid-warjōz* (*vidi-varii* Иордана) ‘жители леса’; ср. др.-

в.-нем. *witu*, ср.-н.-нем. *wid* 'лес', наконец, собственно прусские названия этих лесистых мест *Pomesania* (*Pomezania* < **pa-medjan-* 'Полесье'), *Pogusania* < **pa-gudjan* 'под кустом' — в соответствии со старой этимологией этих двух последних названий¹. Западногерманский характер носит в свете этого и старое название косы, отгораживающей современный Вислинский залив — *Wit-land*² 'лесная страна'. Западногерманский этнический элемент, уступающий по древности готскому, видимо, вполне реален в этой прибрежной балтийской полосе.

Учитывая сказанное, предлагается — в порядке гипотезы — обратить внимание на возможную связь балтийского **Prūsa-* и названия западногерманского народа фризов. Последнее представлено очень большим числом разнообразных вариантов: античные *Frisii*, Φρίσιοι, Φρένιοι, *Frisiones*, др.-исл. *Frīsir*, англос. *Frýsan* (*Frēsan*), фриз. *Frēsa(n)*, *Frisa*, ср.-нидерл. *Vriese*, др.-в.-нем. *Frieson*, ср.-в.-нем. *Vriesen*³. Хотя взаимоотношения этих вариантов обычно объясняются в плане чередования герм. ē : τ, тем не менее, нам кажется более авторитетным фонетический вариант англос. *Frýsan* в его отношении к англос. *Frēsan* и фриз. *Frēsa*. Эти отношения целесообразно истолковать как необратимый переход *Frēsan* < *Frýsan* (< **Frūsja-*), т. е. потерю лабиализации умляута *u*, известную в германистике как яркая фризско-кентская фонетическая общность⁴. Таким образом, получаем право говорить о вероятности германской праформы *Frūsa-* / **Frūsja-*. Вернемся теперь к балтийскому племенному названию. Фонетически вполне допустимо производить балт. **Prūsa-* от герм. **Frūsa-*. Однако какими территориально более близкими аргументами можно подкрепить эту этимологию? В этой связи полезно привлечь одно из старых немецких названий Вислинского залива — *Frisches Haff*. Даже если признать некоторую позднюю экспансию основы *frisch* в названиях типа *Frisching* (река, впадающая в этот залив, современная *Прохладная*) и *Frische Nehrung*, старое *Witland*, то, по крайней мере, один случай *Frisches Haff* следует считать достаточно старым. Орденские документы отмечают *Frische hab* (1351 г.), *Vrische Mer* (1374 г.), *Frysche mehr Hap*

¹ См.: *A. Bach*. Deutsche Namenkunde. Bd. I. 1. Heidelberg, 1952. S. 190—191; Bd. II. 1. 1953. S. 181, 371; *E. Schwarz*. Germanische Stammeskunde. Heidelberg, 1956. S. 100; *G. Gerullis*. Die altpreussischen Ortsnamen. Berlin; Leipzig, 1922.

² См.: *M. Toeppen*. Atlas zur historisch-comparativen Geographie von Preussen. Gotha, 1858.

³ *R. Much*. Friesen // Reallexikon der germanischen Altertumskunde / Hrsg. von J. Hoops. Bd. II. Strassburg, 1913—1915. S. 99.

⁴ См.: *E. Schwarz*. Goten, Nordgermanen, Angelsachsen. Studien zur Ausgliederung der germanischen Sprachen. Bern; München, 1951. S. 237; *Э. Прокоп*. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954. С. 19.

(1433 г.)⁵. *Frisches Haff* — старое название залива, омывающего земли древних пруссов с севера, едва ли содержит современное нем. *frisch* (герм. **freska-*) ‘свежий’. Между ними, наверное, существует лишь связь вторичной ассоциации и народной этимологии. Против родства с *frisch* ‘свежий’ как будто говорит и название соседнего Куршского залива — нем. *Kurisches Haff* (лит. *Kuršiu marės*), базой для которого послужило этническое наименование, что можно в свою очередь допустить и для деэтимологизировавшегося *Frisches Haff*, в таком случае — из особого **Frūsiska-*, прилагательного от этнонима **Frūsa-* / **Frūsja-*. Западнобалтийское **Prūsa-* может считаться усвоением (*f > p*) германского этнонима. Этническое, лингвистическое содержание исходного герм. **Frūsa-* / **Frūsja-*, однако, не стоит модернизировать, понимая под ним лишь предков носителей современного фризского языка. Вспомним предостережение А. Брюкнера: «Большой ошибкой немецкой науки о древностях было и остается, по моему мнению, то, что она из одного лишь повторения названий, например, фризы, англы, ругии, готы и т. д., делает выводы о переселениях самих племен»⁶. Целесообразно остановиться на признании вероятности более широкого западногерманского характера искомого источника балтийского **Prūsai*⁷. Ранние следы западных германцев, в частности ингвеонов, на восточных и юго-восточных побережьях Балтики — самостоятельная проблема, на которой мы не можем здесь останавливаться. Сошлемся лишь на интересную интерпретацию латышского названия эстонцев *īgauni* как отражение германского *Ing(u)aeuones* (мысль В. М. Иллич-Свитыча), т. е. «ингвеоны», правда, на территории несколько в стороне от привлекаемого нами района.

Второй вопрос, на котором хотелось бы здесь остановиться, это генезис двусловных балтийских названий населенных мест на *-sēdja-*. В отличие от

⁵ C. Leyding. Słownik nazw miejscowych okręgu Mazurskiego. Część II. Nazwy fizjograficzne (zlokalizowane). Poznań, 1959. S. 73.

⁶ A. Brückner. Ursitze der Slaven und Deutschen // AfslPh. Bd. XXII. 1900. S. 238.

⁷ На основании свидетельств Ипатьевской летописи и Хроники Дусбурга, К. Буга делает вывод, что *прусы* — первоначальное название жителей Погезании, в южной части западнобалтийской территории на границе с поляками, которые первыми извлекли это название на свет божий («iškėlė ji, aikšten»). Впервые название *прусов* упоминается в «Житии св. Адальберта» под 999 г.: *Pruzzorum, Pruzziae*. К. Буга полагает, что «название пруссов не является древним. Оно едва ли восходит далее IX—X вв. Если бы поляки познакомились с названием пруссов в VI—VII вв., то они говорили бы сейчас не *Prusy*, а **Prysy*» (К. Būga. Lietuvių kalbos žodynas, II sąsiuvinis. Kaunas, 1925. S. LXX; J. Plāķis. Die baltischen Völker und Stämme // Die Letten. Aufsätze über Geschichte, Sprache und Kultur der alten Letten. S. 49 и след.). Однако между первыми случаями упоминания имени и возможным временем его образования всегда следует разрыв. Можно полагать, что до IX в. соответствующая форма была известна на побережье.

первого случая, здесь нет необходимости в этимологизации в описанном выше смысле, чтобы объяснить внешне прозрачные названия, которые перечисляются ниже. Древнепруссские (по цитированной уже нами книге Г. Геруллица): *Garpmeden*, *Lypsaden*? (ср. варианты *Leypseyde*, *Lypseyde*), *Lixeden* (**Lig-seden*), *Marseden*, *Mossed*, *Nawunseden*, *Pyalsede* (*Pralsede*), *Pilsedyn*, *Possede*, *Waixedies* (*Waxeden Warseden*); литовские⁸: *Vienasėdžiai* (Зарасайский уезд), *Šilosėdžiai* (дважды — Тракайский уезд), *Varsėdžiai* (Таурагский уезд), *Traksėdis* (трижды — Таурагский уезд), *Alsėdžiai* (Тельшяйский уезд), *Medsėdžiai* (*Medsėdis*) более десяти названий — Тельшяйский уезд, Мажейкский уезд, Кретингский уезд; ср. еще *Медсери* Шавленской волости (Спрогис, 183), *Trimėsėdis* (Тельшяйский уезд), *Mosėdis* (Кретингский уезд), *Посед* — озеро в Коршовской волости (Спрогис, 255), *Anusedys* — урочище в Корклянкой волости (Спрогис, 14), — всего почти 30 названий со вторым компонентом *-sėdja-*; ср. прилагаемую карту; латышские⁹: *Jaunēži* (Сигулда, Огре), *Jaunserži* (Салдус, Добеле), *Jaunsērži* (Салдус), *Lanksēži* (трижды — Айзпуте, Лиепая, Венспилс), *Upsēži* и др. — всего не более десяти случаев; см. карту. Правильному пониманию оформления этого балтийского топонимического ряда содействовал бы возможно полный учет таких образований на территории старой Пруссии, Литвы и Латвии, а также поиски эквивалентных регулярных образований в окружающей небалтийской топонимии. Что касается соответствующих небалтийских топонимических эквивалентов, то в первую очередь стоит отметить отсутствие таковых в славянской топонимии: имеем в виду сложные названия, второй компонент которых имел бы следующую форму по славянским языкам: рус. *-сежи, укр. *-сіжі, польск. *-siedze / *-siedzy, чеш. *-seze, болг. *-сежди и т. д. Такие названия на славянской территории нам неизвестны.

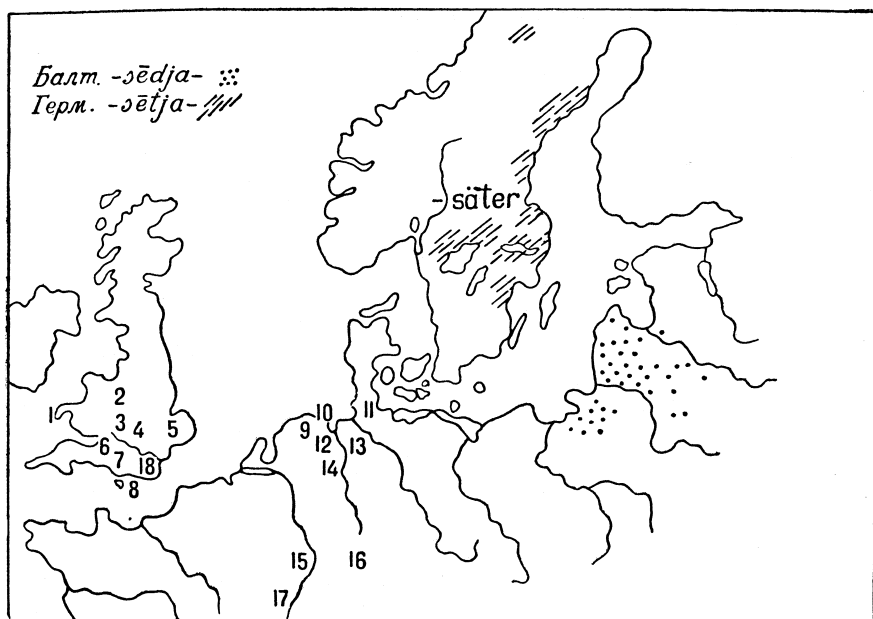
Отсутствие среди славянских местных названий сложений со вторым компонентом праслав. *-sėdjo- (мн. *-sėdji, *-sėdje) находится, конечно, в связи с отмечавшимся уже исследователями предпочтением в славянской топонимии аффиксации, а не словосложения в качестве основного структурного признака названий (ср. наблюдения В. А. Никонова над «славянским топонимическим типом»). Надо думать, что именно в этом заключается архаическая черта славянской топонимии (и гидронимии), в какой-то мере унаследованная от праиндоевропейского топонимического типа. Топонимия отдельных

⁸ Источником сведений послужили справочники: Lietuvos apgyventos vietos. Kaunas, 1925; Lietuvių kalbos rašybos žodynas. Vilnius, 1948; И. Я. Спрогис. Географический словарь Древней Жомойтской земли XVI ст. Вильна, 1888.

⁹ J. Endzelīns. Latvijas PSR vietvārdi. I. daļa, 1—2 sējums. Rīgā, 1956; 1961; J. Endzelīns. Latvijas vietu vārdi. I. daļa, Vidzemes vārdi. Rīgā, 1922; J. Plāķis. Latvijas vietu vārdi un latviešu pavārdi. I. daļa, Kurzemes vārdi. Rīgā, 1936.

индоевропейских языков знает много примеров массового отклонения от этого первоначального типа, что объясняется внутренними структурными причинами или внешними импульсами. При этом далеко не всегда легко решить, какой именно причине мы обязаны оформлением более нового типа. Балтийскую, в частности литовскую, топонимию и гидронимию характеризует в течение всего исторического периода продуктивность именно словосложения, что как бы оттеняет вторичность появления этого способа на балтийской почве. Мы не далеки от мысли о вероятности в данном случае постороннего внушения, и прежде всего — субстратных и адстратных воздействий со стороны финского. Казалось бы, естественно применить это достаточно серьезное научное объяснение если не ко всем случаям, то, по крайней мере, ко всем разрядам, моделям топонимических образований балтийского. Однако проверка показывает, что балтийская топонимическая модель «сложение со вторым компонентом **-sēdja-*» сопротивляется этому стереотипному толкованию. Так, если нанести на карту хотя бы только те названия, которые нам известны и уже отмечались выше, то получится весьма интересная картина, объективный характер которой исключает подозрение в предвзятости наших суждений. Обращаясь к территориям прежде всего Литвы и Латвии (названия Пруссии труднее поддаются локализации), видим, что в Литве названия на *-sēdžiai* / *-sēdis* сосредоточены почти исключительно на Западе, в Жемайтии, тогда как на Востоке страны, в гораздо большей территориально Аукштайтии зафиксированы единичные, спорадически разбросанные случаи. Заселение Литвы осуществлялось с востока на запад. Карта названий на *-sēdžiai* / *-sēdis* в Литве показывает, что количество этих названий возрастает к западу. В целом эта топонимическая модель сложилась уже после освоения территории Литвы балтийским населением. Могут сказать, что апеллятивная основа *-sēdis* / *-sēdžiai* ‘тот (те), кто сидит’ (ср. лит. *sėdėti* ‘сидеть’) была мобилизована в процессе топонимического творчества в силу того внешнего по отношению к языку обстоятельства, что носители балтийских диалектов, продвигаясь на запад, оседали на новых землях. Но этого же можно было ожидать и в Восточной Литве, однако названий на *-sēdja* там почти нет. Подавляющее большинство этих названий встречается на Западе, вплоть до побережья. Влияние финского субстрата и образца представляется в свете сказанного маловероятным. На территории Латвии, которая была занята балтами позже Литвы, почти все немногочисленные названия на *-sēdja-* расположены тоже на Крайнем Западе, в Курземе. На правобережье Западной Двины, которое также представляет собой область вторичного освоения, этих названий нет. Не следует думать, что все эти названия являются результатом новообразования, хотя среди них, несомненно, есть и такие; ср., например, некоторые из многочисленных литовских *Medsēdžiai*. Вместе с тем, целый ряд названий

восходит, очевидно, к древности; ср. упоминания в XVI в., в словаре И. Спрогиса (все исключительно на Западе), а также еще более ранние упоминания всех одиннадцати прусских названий, не считая вариантов, приводимых Г. Геруллисом по орденским документам. Сводное картографирование распределения местных названий на *-sēdja-* на исторических балтийских территориях выглядело бы как не очень густая полоса, огибающая берег Балтийского моря. Эта территориальная перспектива должна нам помочь в определении генезиса балтийской топонимической модели «сложение со вторым компонентом *-sēdja-*», хотя совсем не обязательно понимать приводимые ниже данные как категорическое утверждение об одностороннем германском влиянии.

Сводная карта западногерманских названий на *-sētja-* и балтийских на *-sēdja-*.

Германские названия на *setja*: 1 — *Tempsiter* (*Temsete*), 2 — *Morsete*, 3 — *Arosætān*, 4 — *Gilternsætān*, 5 — *Grantchester* (*Grantesete*), 6 — *Sumorsæte*, *Sumorsætān* (*Somerset*), 7 — *Dorsæte*, *Dorsætān* (*Dorset*), 8 — *Wihtsætān*, 9 — *Mōrsēti* (Фрисландия), 10 — *Worthsāti* (*Wursten*), 11 — *Holtsati* (*Holstein*), 12 — *Woltzetēn* (близ Эмдена), 13 — *Waldsāti* (близ Бремена), 14 — *Holsten-Mündrup* (близ Оснабрюка), 15 — *Waldsation*, *Waldsassen* (Верхний Пфальц), 16 — *Waldsāzi* (близ Вюрцбурга), 17 — *Elasazzeun* (*Elsaß*), 18 — *Estursete*.

Отметив отсутствие соответствия упомянутой балтийской модели в славянской топонимии, а также оценив критически возможность финского влияния, нельзя не упомянуть о наличии близких образований в германской топонимии, в основном на западногерманских территориях. Прежде всего следует сказать, что топонимия почти всех германских стран, построенная преимущественно по способу словосложения, знает также много сложений со вторым компонентом герм. *set- (и.-е. *sed-). Так, в Швеции и Норвегии топонимы на *-säter*, *-saeter* насчитываются тысячами, немало их и на островах и других территориях, подвергшихся норманской колонизации¹⁰. Но если эти последние названия, кроме топонимического сходства, не обнаруживают специальной фонетико-морфологической близости с балтийскими на *-sēdja* (скандинавские названия содержат *-setr* < герм. *setaz, *setiz, и.-е. *sedos, sedes), то черты такой близости обнаруживают западногерманские названия на *-sētja-*. Сюда относятся англ. *Dorset*, *Somerset*, др.-англ. *Estursete* 'живущие на реке Стауэр', *Mersete* 'пограничные жители', *Tempsiter* (др.-англ. *Temsete* 'жители на реке Тим'), *Grantchester* (др.-англ. *Grantesete* 'жители на реке Гранта'), др.-англ. *Arosaetan*, *Gilternaetan*, *Wihtsaetan* 'жители острова Уайт'; на материковых западногерманских территориях, главным образом на севере современной Западной Германии и прилегающих побережьях Северного моря, отчасти в глубине немецкой территории: *Holtsāti*, *Holtsäten*, ср.-в.-нем. *Holzsaēzen* (современный *Holstein*), *Waldsāti*, местность к северо-востоку от Бремена, *Holsten-Mündrup* близ Оснабрюка, *Woltseten* близ Эмдена, *Waldsation*, *Waldsassen* в Верхнем Пфальце, *Waldsazi* к западу от Вюрцбурга, *Mörsēti* в Фрисландии, *Worthsāti* (современный *Wursten*), др.-в.-нем. *Elisāzzeun* (современный *Elsass*)¹¹.

Сходство герм. *-sētja-* и балт. *-sēdja-* очевидно с первого взгляда и при более внимательной проверке оказывается полным. Общая для обоих образований продленная ступень корневого вокализма *-sēd и общее расширение суффиксальным *-j-* дополняются общностью преимущественного употребления во множественном числе и общей семантической характеристикой 'жители, обитатели какой-либо местности'. Семантическая общность распространяется в ряде примеров на все сложение; ср. з.-герм. *Holt-sāti*, *Wald-sāti*,

¹⁰ F. Hedblom. De svenska ortnamnen på säter. En namngeografisk undersökning. Lund, 1945.

¹¹ См.: F. Kluge. Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. 2. Aufl. Halle, 1899. S. 19; R. Much. Völkernamen // Reallexikon der germanischen Altertumskunde / Hrsg. von J. Hoops. Bd. IV. Strassburg, 1918—1919. S. 429; E. Schwarz. Deutsche Namenforschung. II. Göttingen, 1950. S. 180; A. Bach. Deutsche Namenkunde. Bd. I, 1. Heidelberg, 1952. S. 194; E. Ekwall. The Consise Oxford Dictionary of English Place-Names. 4th ed. Oxford, 1960. S. XIII, 399.

Wad-sazi и лит. *Med-Sėdžia* 'лесные поселенцы'. И на германской, и на балтийской почве это были первоначально названия небольших групп людей, родов, ставшие позднее местными названиями. И там и тут они обычно не производятся от этнонимов. Германские образования представляются весьма древними, лишь случайно не нашедшими отражения в античной традиции, за исключением формы *Φονσυισατις*, согласно Р. Муху.

Считаем полезным иметь в виду при анализе ономастического аспекта балто-германских языковых отношений также и это схождение топонимических моделей (герм. **-sēlja-* : балт. **-sėdja-*), независимо от того, будем ли видеть в нем балтийскую кальку германского прототипа на вновь освоенных балтами прибрежных территориях или чисто типологическое сходство, параллелизм, исключительный характер которого также весьма поучителен. В связи с изложенным приведем еще один любопытный германо-балтийский топонимический параллелизм, на который ранее не обращали внимания. Это, с одной стороны, германские местные названия со вторым компонентом **-lauha-* (ср. нем. диал. *Loh* 'опушка леса, низкая древесная поросль, пастбище, луг'), распространенные в Нидерландах (*Eeklo, Hulsterloo, Boekeloo*, сюда же знаменитое *Waterloo* в Бельгии), Нижней Саксонии, Вестфалии, Гольштейне (постепенно убывает), Англии (*Ac-lea, Hes-lea* и др.). С другой стороны, это балтийские топонимы со вторым компонентом *-lauka-, -laukja*; ср. лит. *laukas* 'поле'.

В заключение напомним, что схождение в рассмотренных здесь случаях касается именно западногерманских и балтийских данных. Разумеется, поиски в этом направлении стоит продолжать и далее. Будучи реализовано на ономастическом материале, это наблюдение могло бы представить методологический интерес именно сейчас, когда всё более ощущается необходимость в детализации различных традиционных аспектов языковых отношений — балто-славянских, балто-германских и др.

ЗАМЕТКИ ПО ЛИТОВСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

lytìs, jùk, aslà, kũdikis, nèt

Предлагаемые этимологии литовских слов в большинстве своем посвящены заимствованиям из соседних славянских языков, осуществленным в разное время. Таково, по всей вероятности, происхождение слов *aslà*, *kũdikis* и *nèt*. В отличие от них служебное слово *jùk*, несомненно, исконно, и славянский материал ограничивается здесь одной, правда, весьма существенной семантической параллелью, наводящей нас на мысль о новом этимологическом решении. Характер любопытного лексического соответствия носит и предполагаемая балто-германская близость слов в случае с лит. *lytìs*. Все эти заметки носят характер коррективов и дополнений к известному литовскому этимологическому словарю Френкеля.

Лит. *lytìs* 'форма, фигура, вид, внешность'

Помещаемое Френкелем в статье *laitótis* 'es gut haben, es sich wohl sein lassen' и сближаемое с лтш. *lieta* 'вещь, дело, годность, ценность', *lietât* 'использовать, употреблять', *līte* 'глыба, льдина', а далее — с др.-инд. *līyate* 'прижимается', греч. λεῖος, лат. *lēvis* 'гладкий', обращает на себя внимание своей словообразовательно-фонетической, а также семантической близостью к германским названиям члена, конечности: нем. *G-lied*, ср.-в.-нем., ср.-н.-нем. *gelit*, нидерл. *gelid*, др.-в.-нем. *gigid*, *lid*, др.-сакс., др.-фриз., ср.-англ. *lith*, нидерл. *lid*, англосакс. *lip*, др.-исл. *lidr*, готск. *lipus*. Герм. **līþ-*, производное с зубным суффиксом от герм. **lī-*, соответствует лит. *lytìs* 'форма, вид, пол',

как англ. *limb*, англос. *lim* 'член' с суффиксом *-m-* от того же корня — лит. *liemiõ* 'ствол, стан'¹.

Лит., лтш. *juk* 'ведь'

Связано с лит. *jùkti*, лтш. *jukt* 'привыкать', иными словами, эта частица *juk* может, по нашему мнению, продолжать личную глагольную форму **juku*, 1-е л. ед. ч. настоящего времени, ср. современное лит. *junkù* с назальным инфиксом (но лтш. *juku!*). Подтверждающую семантическую аналогию видим в эволюции значения (и формы) рус. *ведь* < *въдь* 'я знаю'. Объяснение близостью к др.-в.-нем. *joh* 'auch, aber, doch'² нам кажется менее удовлетворительным.

Лит. *aslà* 'глиняный пол крестьянского жилого дома, гумна; под печи; точильный брус'

Обычно этимологизировалось как исконно литовское слово, родственное, например, швед. *äril* 'пол'³. Мы считаем эту этимологию ошибочной по той причине, что при этом из всех значений литовского слова оказывается выделенным лишь одно, а именно — 'пол', древность которого молча постулируется исследователями. Однако уже само сличение с литовскими словарными данными дает более полную картину и делает этимологию, выдвигаемую нами ниже, совершенно очевидной для всех вообще употреблений этого слова. Нам представляется исходным как раз значение 'точильный брус, точильная поверхность'. В остальных значениях целесообразно произвести отбор, основанный на внутренних критериях и некоторых культурных моментах. Значение 'под печи' можно выделить как окказиональное. Одно из наиболее употребительных значений слова *aslà* — это 'пол', причем не всякий вообще пол, а плотно убитый глиняный пол. Вполне возможно, что первоначально *aslà* не имело значения 'пол жилого дома', а выступало как название пола только в гумне. Семантическая дистанция между названием глиняного пола, об который или на котором выбивают, выколачивают зерно из снопов, и названием бруска, которым, например, отбивают, наводят косу, серп, такова по своей непротиворечивости, что не мешает нам принять тождество этих названий, а следовательно, и единое *aslà* с исходным значением 'точильный брус'. Дальнейшая суть нашей этимологии лит. *aslà* крайне несложна: это слово заимст-

¹ Ср. *Fraenkel*. LEW. S. 334; *Kluge* — *Götze*¹⁵. S. 271.

² *Müllenbachs* — *Endzelīns*. Latviešu valodas vārdnīca. S. II. C. 116; *Fraenkel*. LEW. S. 196.

³ См., вслед за Бугой и Микколой: *Fraenkel*. LEW. S. 18.

вовано из польского *osła* ‘точильный камень’ или тождественной формы другого соседнего славянского языка.

Лит. *kūdikis* ‘ребенок, младенец’

Продолжает оставаться, по нашему мнению, несмотря на неоднократные попытки этимологов, словом неясного происхождения. Во всяком случае две известные основные этимологии этого слова вызывают сомнения. Так, Буга считает слово *kūdikis* исконно литовским по происхождению и образованным от глагола, соответствующего лтш. *kūdīt* ‘гнать’, которое родственно рус. *кидать* и т. д. Однако как раз литовский язык не знает соответствующего глагола, не говоря уже о проблематичности семантической связи ‘ребенок’ ~ ‘гнать’ (аналогия *vaikas* ‘ребенок’ : *veikus* ‘быстрый, проворный’, *veikti* ‘делать, действовать’ недостаточно убеждает в этом). По другой этимологии, *kūdikis* образовано от *kūdas* ‘худой, нежный, жалкий’, славянского происхождения, или прямо заимствовано из слав. **xudьсь*⁴. Происхождение лит. *kūdikis* от слав. *xudь* (рус. *худой*, польск. *chudy* и т. д.) или от *xudьсь* тоже не кажется достоверным. Как само *xudь*, так и это последнее его производное (ср. польск. диал. *chudziec*, *chujec* ‘некастрированный, плохо кастрированный кабан’) по своей семантике плохо подходят как источники литовского названия ребенка.

Прежде чем перейти к новой попытке этимологизации литовского слова, обратим внимание на то обстоятельство, что отношения таких названий ребенка в литовском как *kūdikis* и *vaikas* характеризует определенная семантическая (возрастная) градация: *kūdikis* ‘младенец, совсем маленький ребенок’, *vaikas* ‘подросший ребенок’. Ср. любопытный пример из авторской речи в одном из очерков П. Цвирки: «...jis čia kadaise kūdikis, paskum vaikas bėginėjo» ‘он здесь когда-то бегал *мальшом*, затем подростком’. Многочисленные производные названия подростка, взрослого парня произведены именно от *vaikas* (если говорить об этих двух словах) путем разнообразной суффиксации. Древность слова *kūdikis* в литовском остается для нас недостаточно ясной. Описанная как будто четкая современная семантическая градация ‘младенец’ — ‘подросший ребенок’ не обязательно всегда характеризовала отношения *kūdikis* — *vaikas*. Ср. употребление исключительно *vaikeliukas*, *vaikelėlis* в значении ‘грудной младенец’ во многих народных колыбельных песнях⁵.

Нам кажется, что слово *kūdikis* пополнило литовскую лексику этого рода на определенном этапе, явившись первоначально генетически техническим

⁴ См. сведения в словарях: *Fraenkel*. LEW. S. 304; *Berneker* I. S. 405.

⁵ См. *A. R. Niemiir, A. Sabaliauskas. Lietuvių dainos ir giesmės šiaur-rytinėje Lietuvoje*. AASF. S. B. T. VI [б. г.]. S. 168, 171 и др.

термином — обозначением только что (прежде времени) родившегося существа. Его источник мы видим в славянском, а именно — в соответствующих названиях от основы **kud-*, ср. укр. диал. *скидча́* ‘ягненок-недоносок’ (Гринченко IV. С. 134), рус. *выкидыш*. Конкретным источником лит. *kūdikis* могло послужить условно восстанавливаемое нами правосточнославянское **кыдьць*, совр. **кидец* в близком значении⁶. Такое объяснение влечет за собой необходимость ответить сразу на ряд вопросов, касающихся хронологии и исторической фонетики славянских элементов литовской лексики. Учитывая достаточно ранний характер перехода *ky > ki*, мы не можем относить заимствование лит. *kūdikis* к слишком позднему времени. Против этого говорила бы и обычная рефлексия слав. *y >* лит. *ui*: *muilas*, *smuikas*, *puikus*. У нас представлено слав. *y >* лит. *ū* или даже еще слав. **ū >* лит. *ū*.

Лит. *net* ‘даже’

Согласно Френкелю⁷, образовано путем усиления отрицания *ne* другой частицей. Однако нам кажется, что это объяснение правильно лишь постольку, поскольку речь может идти об ассоциативных, вторичных связях этого служебного слова. Выявить первоначальный источник слова как будто помогает сходство лит. *net* ‘даже’ с польск. *nawet* ‘даже’, что нельзя не признать многозначительным. Очевидно, в лит. *net* представлено заимствование. Оно не обязательно получено прямо из польск. *nawet*, тем более что непосредственной увязке этих двух слов препятствуют некоторые формально-фонетические затруднения. Скорее всего, лит. *net* произошло из блр. диал. *нат* (*на’т*) ‘даже’, сокращенного в устной речи из *нават*, общенародной белорусской формы⁸, в свою очередь заимствованной из польск. *nawet*. Польск. *nawet* ‘даже’, первоначально собственно словосочетание *na wet* ‘напоследок’ (где *wet* — из средневековой немецкой формы, соответствующей современному нем. *Wette* ‘заклад, пари’), вошедшее в польский речевой обиход примерно в XVI в.⁹, быстро распространилось в Белоруссии и на Украине, где оно стало единственным служебным словом в этом значении и подверглось основательной формальной ассимиляции, ср., например, укр. *навіть*. Для

⁶ У В. Н. Топорова (О праславянском **kot-* // ВСЯ. Вып. 6. М., 1962. С. 173. Сноска 4) моя точка зрения отражена не совсем точно: «По мнению О. Н. Трубачева, лит. *kūdikis* ‘маленький ребенок’ не является славянским заимствованием и связано с глаголом, родственным слав. **kydati* (из **kūd-*) ‘бросать, кидать’ (сообщено устно)».

⁷ *Fraenkel*. LEW. S. 489, там же ссылки на предшествующую литературу.

⁸ См. М. Байкоў, С. Некрашэвіч. Беларуска-расійскі слоўнік. Мінск, 1925. С. 188: *нат*; Белорусско-русский словарь / Под ред. К. К. Крапивы. М., 1962. С. 466: *нават*.

⁹ *Brückner*. Słownik etymologiczny. S. 607.

этих восточнославянских языков *terminus post quem* заимствования и распространения этого польского слова должен быть принят где-либо не ранее начала XVII в., если судить по употребленному в авторской речи Памво Беринды выражению *лакомый на веты на конфэқты*, которым он толкует церковнославянское *ласкосръдый*¹⁰. Здесь еще сохраняются черты сугубо старопольского употребления, ср. значение *на веты* 'на десерт'.

Что касается современной формы лит. *net* в ее отношении к исходному блр. *nat*, то мы согласны признать здесь воздействие — с литовской стороны — народно-этимологических ассоциаций, а именно — осмысления в связи с формами на отрицание *ne-* (см. выше).

¹⁰ Цит. по изд.: Лексикон словенороський Памви Беринди / Підготовка тексту В. В. Німчука. Київ, 1961. С. 57.